

Славяноведение, 2023, № 4, с. 5–30

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 5–30

DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6

Оригинальная статья / Original Article

Архиепископ Лазарь Баранович и московские колокола в монастырях Черниговщины в 1680–1690-х годах

© 2023 г. К.А. Кочегаров

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация: В первой половине 1680-х годов черниговский архиепископ Лазарь Баранович обратился к русскому правительству с просьбой о безвозмездном предоставлении колокола для строившегося им Свято-Троицкого храма Ильинского монастыря. Русское правительство удовлетворило эту просьбу, дав распоряжение отлить колокол для архиепископа. Однако спустя короткое время по просьбе посланца Лазаря Барановича в Чернигов был отправлен другой, более тяжелый колокол, снятый с колокольни церкви Григория Неоцесарийского на Полянке. Колокол, специально отлитый для черниговского архиепископа, остался в Москве и в наши дни висит на колокольне Покровского собора на Красной площади. Помимо Лазаря Барановича, интерес к русскому колокольному производству проявлял и гетман Иван Самойлович, заказавший у крупнейшего московского литейщика Федора Моторина колокол для другой черниговской обители – Елецкого Успенского монастыря. Все это свидетельствует о высоком уровне развития колокольного производства в России последней четверти XVII в.

Ключевые слова: Лазарь Баранович, Чернигов, русское колокольное производство, Федор Моторин, русско-украинские отношения.

Ссылка для цитирования: *Кочегаров К.А.* Архиепископ Лазарь Баранович и московские колокола в монастырях Черниговщины в 1680–1690-х годах // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6

Archbishop Lazar Baranovich and Moscow Bells in Monasteries of Chernigov Land in 1680–1690s

© 2023. Kirill A. Kochegarow

Institute of Slavic Studies of Russian Academy
(Moscow, Russian Federation)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Abstract. In the first half of 1680s Lazar Baranovich, archbishop of Chernigov asked the Russian government to cast a bell for Saint Trinity Church, that he was building. The government of prince Vasilij Golitsyn and princess Sofia agreed to do it at state costs. But it appeared in short time that envoy of Lazar Baranovich in Moscow wished to have the heavier one, so a such bell was taken away from the church of Gregory of Neocaesarea in Polyanka and sent to Chernigov. The bell, specially made for the archbishop was left in Moscow and nowadays it hangs in the bell tower of Saint Basil's Cathedral in the Red square. Besides Lazar Baranovich, Ivan Samojlovich, the hetman of the Left-Bank Ukraine, also was inspired by the high level of the Russian bell manufacture in the last quarter of 17th century and ordered a bell for another monastery of Chernigov.

Keywords: Lazar Baranovich, Chernigov, the Russian bells manufacture, Fedor Motorin, Russian-Ukrainian relations.

For citation: *Kirill A. Kochegarov.* Archbishop Lazar Baranovich and Moscow Bells in Monasteries of Chernigov Land in 1680–1690s. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 4. P. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6.

*...хлеб милости своя и одеяние дал еси обители нашей,
одеяв церковь Троицы Святой железом и украсив царским своим колоколом*

Из письма царю Петру I архимандрита
Свято-Троицкого Ильинского монастыря
Лаврентия Крщоновича. 1699 г.¹

Материальная поддержка украинских и белорусских православных церковных центров была важным элементом в культурных контактах России с восточнославянскими народами Речи Посполитой, начиная как минимум с конца XVI в. В первой половине XVII в. содержание милостыни прибывавшим в Россию представителям церквей и монастырей, а также посланникам высших церковных иерархов с западнорусских земель формализовалось, сводясь к регулярной выдаче денег и мехов, богослужебных книг, церковной утвари, священнических одежд и икон. Были и беспрецедентные примеры как обращений за помощью, когда, например, киевский митрополит Иов Борецкий в 1630 г. просил в Москве средства на церковное строительство «и на колокольничное дело»², так и ее оказания, когда в 1644 г. в Густынский Свято-Троицкий монастырь были отправлены краски и листовое золото на «церковное строение», а в Киево-Печерский – и вовсе царский сусальщик («которой делает золото и серебро листовое») Яким Евтихеев, изготовивший для митрополита Петра Могилы «листового золота с 10 000 листов»³. Подобные пожалования были весьма затратными для русской казны и поэтому не носили систематического характера, более того, они были обусловлены конкретными политическими мотивами в политике царской власти по отношению к православным церковным центрам Речи Посполитой.

После перехода Киева, Левобережной Украины и Северщины под русскую власть в середине XVII в. расположенные там крупные монастыри и церкви, имевшие царские жалованные грамоты на получение милостыни, по понятным причинам были заинтересованы в ее дальнейшей выдаче. Москва поддерживала сохранение устоявшегося обычая. Вместе с тем крупные церковные

¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699 г. Д. 15. Л. 14.

² Воссоединение Украины с Россией, 81.

³ АЮЗР Т. 3, 65–66, 88; Воссоединение Украины с Россией, 400–401.

деятели Малой России, используя новую политическую ситуацию, обуславливавшую в том числе их более тесные и постоянные связи с русскими правящими кругами, пытались при случае добиться новых беспрецедентных материальных выгод за счет царской казны. Один из подобных случаев – попытка черниговского архиепископа Лазаря Барановича получить от русского правительства листовое железо на отделку куполов строившегося собора Свято-Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове, и, что важнее, большой колокол для церковной звонницы. В существующей научной литературе об этом имеются самые скудные известия⁴.

Заинтересованность черниговского архиепископа в продукции русского литейного производства не была случайностью, объяснявшейся в том числе безвозмездным характером предоставления столь ценного атрибута любого храма, как колокол. Во второй половине XVII в. русское колокольное производство переживало настоящий расцвет, выразившийся в росте и объема, и качества, и разнообразия изготовляемых колоколов. Помимо крупнейшего производителя колоколов – Пушечного двора, возникает рынок частного колокольного производства, ориентированный на заказчиков из самых разных социальных слоев: купцов, приказной бюрократии, посадских жителей и др. (см.: [Бондаренко 2012. Ч. IV, 257–350]).

Однако первым московские колокола по достоинству оценил не Лазарь Баранович, а украинский гетман Иван Самойлович. В письме от 22 августа 1680 г. на имя думного дьяка Лариона Иванова, доставленном 3 сентября в Москву одним из наиболее доверенных лиц гетмана В.Л. Кочубеем, Самойлович просил руководителя Посольского приказа, несмотря на «безспрестанные труды [...] и разсудительные около дел государственных трудности», оказать ему содействие в деле заказа церковного колокола у московских мастеров. Гетман, по его словам, «обещал [...] на хвалу Богу в монастырь Пресвятыя Богородицы Черниговской Елецкой вылить колокол», признавая, что «в малороссийских городех такова совершенного мастера нет, а в царствующем величии граде Москве таких совершенных мастеров есть много». В связи с этим гетман вручил Кочубею нужную, с его точки зрения, сумму и «приказал [...], чтоб сыскал мастера совершенного и договорился с ним вылить колокол». Кроме денег Кочубей получил и «роспись», «каков весом имеет быть тот колокол». Теперь Самойлович просил «приятеля» Иванова помочь своему посланцу, приказав «сыскать на то дело мастера доброва», а найдя, «обнадежить, чтоб тотчас дело то зачав», он отлил колокол к «нынешние осени, покамест тепло». Гетман рассчитывал «тот колокол по первому зимнему пути оттуды к себе привести»⁵. Ларион Иванов помог, и 5 сентября 1680 г. один из крупнейших колокольных мастеров Москвы Федор Моторин, отец знаменитого литейщика Ивана Моторина, изготовившего известный Царь-колокол, подписал с представителями Самойловича канцеляристом В.Л. Кочубеем и учителем находившегося в Москве гетманского сына П. Ясильковским договор («рядную запись») с обязательством отлить к концу года (к Филиппову заговенью или к Рождеству) колокол весом в 110 пудов из «доброй колокольной и красной меди, и положить прутное аглинское олово безо всякие хитрости добрым мастерством, чтоб у того колокола звон был крепкой и мочной». Кочубей и Ясильковский должны были предоставить Моторину и текст надписи на колоколе с упоминанием

⁴ Об отправке Лазарю Барановичу колокола кратко, буквально одним предложением, упоминал Н.Ф. Сумцов [Сумцов 1885, 160].

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 43–46.

имени заказчика («летопись и гетманское имя положить мне словами против их росписи, какову они, Василей и Павел, дадут»). Стоимость колокола рассчитывалась исходя из 4,5 руб. за пуд и должна была составить почти 500 руб.⁶

Архимандритом Елецкого Успенского монастыря в Чернигове был друг и ученик Лазаря Барановича Иоанникий Галятовский. Получение его обителью роскошного гетманского подарка⁷, изготовленного в московских литейных мастерских, не могло быть секретом для черниговского архиепископа. Спустя год, летом 1681 г., Лазарь Баранович предпринял первую попытку получить колокол для возводимого его трудами главного храма Свято-Троицкого Ильинского монастыря, отправив послание царю Федору Алексеевичу. Какие-то детали этой миссии, кроме расписок посланника черниговского владыки «черного» дьякона Антония в получении кормовых денег с 20 июня по 1 августа 1681 г., не известны⁸. О самой просьбе архиепископа мы знаем из послания Лазаря Барановича царевне Софье Алексеевне, написанном спустя год. В нем черниговский архиерей напоминал, как «в прошлом во 189 году» он «бил [...] челом» царю Федору Алексеевичу «о колоколе и о железе белом до церкви каменной Святыя Троицы». Тогда по царскому указу архиепископу было пожаловано четыре бочки жести, «а на колокол, — писал владыка Лазарь, — милостивое свое государское изволил дати мне, богомольцу, своему обещание»⁹. Смерть царя Федора и последовавший за ней политический кризис в Москве, сопровождавшийся восстанием стрельцов, воспрепятствовали его исполнению.

В августе 1682 г. Лазарь Баранович направил в Москву новую миссию во главе со своим конюшим Федором Смольницким [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. Бумаги миссии Смольницкого в виде отдельного дела, по-видимому, не сохранились, несколько разрозненных документов (включая содержание тетради, куда были переписаны со столбцов подлинники документы, связанные с приемом миссии) были присоединены к делу о следующем визите в Москву посланца Лазаря Барановича, дьякона Антония Прокофьева (Прокоповича; см. об этом далее).

Кроме того, Смольницкий в ответ на царскую просьбу к Лазарю Барановичу прислать ко двору «алтистов и динаристов», «выбрав в епархии своей двух [...] добрых и свидетелствованных» и «обнадежив» их жалованьем великих государей, сопровождал к царскому двору шестерых певчих, из которых двое, Василий Кривецкий и Григорий Полевский, были по каким-то причинам 18 октября пожалованы сукном («кармазину мерою по пяти [аршин] ис Казенного приказу»), соболями и деньгами по 5 руб., после чего отпущены назад. Остальные четверо остались в столице. «Корм» и «питье» прибывшим выдавали дополнительно «сверх поденного». Последовал и указ о посылке самому Лазарю Барановичу 100 «золотых червонных», а также «отлас[у китай]ского» на рясу. Все это свидетельствовало об особом расположении русского правительства к архиепископу. Пользуясь этим, последний в своем письме к великим государям

⁶ См. приложение, документ № 1.

⁷ Судя по описанию колокольни монастыря, сделанному в самом конце XIX в., колокол И. Самойловича до этого времени не сохранился (см.: [Добровольский 1900, 115–116]).

⁸ Расписки в получении кормов дьяконом Антонием сохранились в «Монастырских делах» (РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 141. Л. 1). В них не указано, что Антоний был представителем Лазаря Барановича, но это, несомненно, тот же человек, который приезжал в Москву как посланец черниговского архиепископа в 1683 и 1684 г.

⁹ Письмо опубликовано в приложении к труду протоиерея А. Страдомского [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. Списки с письма были обнаружены А. Страдомским в архиве Оружейной палаты и в ризнице Черниговского архиерейского дома [Там же, 73].

напоминал об обещании царя Федора пожаловать колокол и жестяное железо¹⁰. В письме к царевне Софье владыка Лазарь также напоминал об указанном обещании и просил похлопотать о его исполнении (письмо получено 30 сентября 1682 г.) [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. В ответных грамотах от царей и Софьи Лазаря Барановича «жаловали и похваляли» за присланных певчих и обещали «послать к нему своего государского жало[ванья: колокол] и железа белого», когда минует осеннее бездорожье и установится зимний путь¹¹.

Помимо колокола, Лазарь Баранович просил также отдать ему лес на постройку церкви, который, по его словам, был вырублен в окрестных лесах, принадлежавших Свято-Троицкому Ильинскому монастырю, по приказу служившего в Чернигове полковника Степана Янова в 189 (1680/81) г. на «городовое строенье, а ныне де тот [лес л]ежит без дела». В связи с этим «ис походу ис Троицкого Сергиева монастыря», где находился царский двор, был послан запрос черниговскому воеводе, стольнику и полковнику Михаилу Ознобишину с требованием проверить указанную выше информацию и прислать полную роспись лесных припасов, на которые претендует архиепископ. Дело протянулось до января 1683 г., когда в Москве получили отписку Ознобишина, что «лес высечен в прош[лом] году, а не во 189-м году [при] полковнике при Степане Янове и надобен де [...] на городовое и на нижнее острожное дело, где живут их великих государей ратные люди черниговские старые осадные сиделцы, салдаты и стрелцы, и даточные салдаты, потому что тот острог ветх, [и выс]ечен тот лес в государеве лесу в Черниговском уезде, а не в монастырском лесу, а сечь велел черниговской полковник Василей [Борко]вской». Дубовые бревна, брусья и прочее были складированы за рекой Стрижень. По результатам расследования была составлена докладная выписка, однако решения по ней нет¹². По всей вероятности, лес Лазарю Барановичу не достался.

Приезд Смольницкого, которого принимали в Троице-Сергиевом монастыре, где в тот момент находился двор, совпал с завершением стрелецких волнений. Вскоре цари вернулись в Москву, произошла определенная стабилизация политической системы — окончательно установилось регентство царевны Софьи при малолетних царях Иване и Петре. Это создало благоприятные условия для исполнения просьбы черниговского архиепископа.

В конце 1682 г. Лазарь Баранович послал в Москву «зимним путем» своего писаря дьякона Антония «со смиренным своим рабским челобитьем», т. е. с просьбой исполнить обещание о пожаловании для церкви Святой Троицы, «сооруженной, — как писал черниговский владыка, — тшцием моим», колокола и белого железа для покрытия церковных глав. В письме царям Ивану и Петру от 26 декабря 1682 г. Лазарь Баранович уподоблял великих государей двум херувимам, которых «не Веселеил, но василевс, сиречь царь небесный, премудрый архитектор, сотвори от злата чиста добродетелей», венчав «главы» самодержцев «венцем царским златым, подобие в российской своей церкви раскрывляющаяся верху Великия и Малыя, и Белья Росии, осенявша же крылы превеличайших государских щедрот своих всю в поднебесной православием сияющую церковь». То есть царский венец, по мнению Черниговского архиепископа, дававший российским монархам права на обладание Великой, Малой и Белой Россией, делал их одновременно ктиторами и патронами всей православной церкви на этих землях. Соответственно, «на сень тех херувимских

¹⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 127–128об., 147–149об.

¹¹ Там же. Л. 148–148об.

¹² Там же. Л. 127, 129–130об., 148об.–149об.

крил вашего царского пресветлого величества надеяся», Лазарь Баранович просил пожаловать ему жесть и колокол для строившегося храма¹³.

Отдельное письмо архиепископ Лазарь написал царевне Софье Алексеевне (письмо от 26 декабря 1682 г.). В этом послании он уподоблял Троицкую церковь дому Софии, премудрости Божией, который царской милостью «основанный и воздвигнутый»: «дом Софии, дом премудрости, премудрость созда себе дом; седем глав церкви святых Троицы Ильинской черниговской, милостью и ходатайством вашего пресветлого величества под покровом беложелезным ставше, будут то седем столпов в дому оном премудрости вашего пресветлого величества неподвижные вовеки». Владыка Лазарь подчеркивал, что рассчитывает на поддержку Софьи в деле выделения колокола для церкви и железа «на покровение глав», благодарил за ранее присланное специально от Софьи (через Ф. Смольницкого) жалование – «отлас китайской», из которого архиепископ велел «стихарь дьяконской в церковь Святых Троицы зделати, в нем же бескровная служба о упокоении блаженных памяти» царей Алексея и Федора «приносима была». Баранович писал, что если получит в 1683 г. «того великих государей обещание совершение», то будет всегда «в церкви святых Троицы Троицу Святую молити, дабы великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича тремя венцы венчанных, трегубыми на земли одарил благими, миром, здравием и долгоденствием»¹⁴. Отдельное послание было адресовано «благодетелю» В.В. Голицыну, которого владыка благодарил «за ходатайство [...] к их царскому пресветлому величеству», в результате которого он получил царское жалованье. Лазарь Баранович посылал с дьяконом Антонием Голицыну «погребец с вотками» и просил поспособствовать получению колокола и белого железа (письмо, как и другие послания, датировано 26 декабря)¹⁵.

Обращался к главе правительства и недавно назначенный игумен Троицкого Ильинского монастыря архидьякон Лаврентий Крщонович¹⁶: «Понеже предведением Божиим и произволением отца моего, преосвященного Лазаря Барановича, архиепископа черниговского, игуменство монастыря Свято-Троицкого Ильинского черниговского паче силы и достоинства моего (Бог весть, яко не хотящу мне) быть врученно, еже послушания ради и покорения к старцу и отцу своему принужден есмь прияти, не не восхотех и аз, недостойный богомолец благородия вашего смиренное мое до лица земли поклонение благородию твоему преподати, яко же бо ныне слышу, благородие ваше великую милость творяща преосвященному архиепископу нашему, тако уповаю в милости благородия твоего, яко и мне недостойному сыну ево, богомолцу ж благородия твоего, тоя ж де милости своя являти в приидущее время не возбраних». Сообщая, что в Свято-Троицкой обители «уже Пресвятая Богородица чудесы

¹³ Здесь Лазарь также благодарил за присланное ему царское жалование «сто червонных золотых», обещая молиться «о блаженном упокоении» царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и о «долгоденственном здравии» царей Ивана и Петра Алексеевичей (Там же. Л. 1–4). Еще один список письма: Там же. Л. 114–117об. Материалы о поездке Антония Прокофьева в рамках данного дела представлены в столбцах (Там же. Л. 1–112), а также в сильно поврежденной тетради (Там же. Л. 113–173об.), куда была переписана по крайней мере часть столбцов. Тетрадь сохранилась со значительными утратами.

¹⁴ Там же. Л. 5–9. Еще один список см.: Там же. Л. 117об.–120об.

¹⁵ Там же. Л. 10–13.

¹⁶ Сохранился список грамоты Лазаря Барановича о назначении его игуменом от 20 октября 1683 г. Дата, видимо, указана с ошибкой в один год, либо архиепископская грамота на игуменство была выдана позже фактического вступления Лаврентия Крщоновича в управление монастырскими делами. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 33–38.

своими прославляти изволи», Лаврентий просил Голицына поддержать монастырь, ходатайствуя о его нуждах перед царями и оказав помощь направленному в столицу дьякону Антонию, которому игумен поручил в Москве «некоторые нужные на церковь вещи [...] покупать». Соответственно, Голицына он просил выдать Антонию подводы для провоза совершенных покупок «сколко потребно будет». В подарок князю он посылал «крест резный от рукоделия братии Свято-Троецкого монастыря», прося Голицына «любовне тот иноческий дар» принять¹⁷.

Прибыв в Москву в сопровождении четырех слуг, черный дьякон Антоний Прокофьев явился в приказ 9 января с проезжим «листом» гетмана Самойловича. На следующий день последовало распоряжение дьяка Е.И. Украинцева о выдаче им кормов и жалованья на приезде¹⁸. Согласно помете Украинцева, доставленные Антонием письма были доложены царям и Софье 11 января¹⁹. Соответственно, последовал указ о подготовке в Малороссийском приказе докладной выписки с предыдущими прецедентами, близкими по содержанию к поступившей из Чернигова просьбе — однако в ней отмечены только два случая пожалования «белого железа» для покрытия церковных глав. В 178 (1669/1670) г. игумену батуринского Никольского Крупицкого монастыря Исихею «з братиею» было дано 50 руб. милостыни из Приказа Галицкой четверти, камчатая риза из Казенного приказа, пять ведер церковного вина, пуд ладана, а также две бочки «железа белого листового на опойку и на обитие глав». В 180 (1671/1672) г. в Москву прибыли представители черниговского Успенского Елецкого монастыря: игумен Иоанникий Галятковский, уставщик «черной поп» Каллист, дьякон и два челядника. Им было пожаловано 5 ведер церковного вина, полпуда ладана, «да на церковную главу белого железа» две бочки. Однако последнее пожалование вдруг было отменено из-за дороговизны материала: «а после того белого железа дать им не велено для того, что в то время купили дорогою ценою в 17 и в 18 рублей бочку». Незадачливым черниговским паломникам оставалось ждать, когда железо «будет в привозе от Архангелского города». Иоанникий Галятковский и его товарищи ждать не стали, отбыв восвояси и «в приезде после того в том во 180-м году не бывали».

В докладной выписке ничего не говорилось и о рядной записи на изготовление колокола 1680 г., поскольку оно считалось частным делом Самойловича, оплаченным из его кармана, и не подходило под определение царского жалования. Отливка колокола для черниговского монастыря должна была, таким образом, стать прецедентом в выдаче подобной милостыни. 14 января 1683 г. по докладу был дан указ царей Ивана и Петра и царевны Софьи удовлетворить прошение Лазаря Барановича и отправить в Чернигов «на обивку глав церковных» шесть бочек белого железа из Приказа Большой казны, но самое главное — «колокол блавестной [...] в тот монастырь вылить нарочно во сто в четыре пуда ис Пушкарского приказа»²⁰. Уже на следующий день окольниковому А.И. Ржевскому в Большую казну была послана память о выдаче шести бочек жести, однако «в том белом железе отказано». Тогда по приказу В.В. Голицына память «о том же белом железе» послали 18 января в Приказ Большого дворца²¹. 15 же января была отправлена память в Пушкарский приказ

¹⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 14–16.

¹⁸ Там же. Л. 17–19.

¹⁹ Там же. Л. 117об.

²⁰ Там же. Л. 23–25, 150–152.

²¹ Там же. Л. 26, 45, 152–152об.

(возглавлялся также В.В. Голицыным) об отливке по челобитью Лазаря Барановича медного колокола «во сто четыре пуда»²².

За этой чередой первых царских указов об исполнении просьб черниговского владыки последовали какие-то неофициальные переговоры дьякона Антония с влиятельными царскими сановниками (в первую очередь, видимо, с В.В. Голицыным). Посланец владыки Лазаря имел, очевидно, определенные указания касательно объема требовавшихся епископу материалов и всеми силами добивался их удовлетворения. Эти закулисные прошения имели практически немедленный успех. Уже 22 января последовал именной указ (без челобитной и предшествующей ему докладной выписки) за подписью дьяка Е.И. Украинцева о выдаче «к прежней даче ко шти бочкам семь бочек» из собственных царских запасов — из Приказа Большого дворца, куда и дана была память из Малороссийского приказа²³. Однако и этого было мало. 28 января 1683 г. последовал еще один именной указ (подписан также Украинцевым): послать в Троицкий Ильинский монастырь царского жалованья для Лазаря Барановича «на обитие глав церковных белого железа и с прежним дватцать четыре бочки из Приказу Болшого дворца да колокол благовестной взяв от церкви Егоргия Ниокисарейского, что за Москвою рекою на вполе в двесте в двацать пуд²⁴, а в место того колокола указали великие государи вылить колокол и дать к той церкви таков же». Память о белом железе была послана боярину и дворецкому князю В.Ф. Одоевскому в Большой дворец на следующий день, в Пушкарский приказ о замене колокола — 31 января. 4 февраля указ о колоколе был повторен, причем теперь в нем подчеркивалось, что двухсотпудовый колокол посылали в Чернигов «вместо того колокола, которой было велено дать во сто в четыре пуда». 8 февраля в Пушкарский приказ опять была послана соответствующая память²⁵.

В этих новых решениях заслуживают внимание два аспекта. Во-первых, заказ о закупке «белого железа» был передан в Большой дворец — приказ, руководивший собственно царским хозяйством, и, соответственно, должен был быть исполнен за счет ресурсов этого ведомства. Во-вторых, почему колокол для Лазаря Барановича было решено снять именно с церкви Григория Неокесарийского? На этот вопрос дает ответ история храма. Впервые он упоминается в источниках в 1632 г. как деревянное строение. С 1667 г. церковь Григория Неокесарийского перестраивалась в камне на казенные средства, выделенные Приказом Тайных дел по указу царя Алексея Михайловича. Строительство велось по просьбе царского духовника Андрея Посникова, служившего в церкви Григория Неокесарийского священником до поставления в протопопы Благовещенского собора в 1666 г. Великий государь профинансировал кровельные и отделочные работы, написание икон и др. Завершить строительство при жизни Алексея Михайловича не успели и освящали новопостроенный храм уже при его преемнике, царе Федоре, в марте 1679 г. Освящение проводил патриарх всея Руси Иоаким. Сам царь Алексей побывал в церкви как минимум дважды на храмовый праздник — день св. Григория Чудотворца 17 ноября 1668 и 1670 г. [Токмаков 1890, 4–9; Беляев 1894, 6–26, 51]²⁶. Финансирование Алексеем Михайловичем строительства и создания внутреннего убранства церкви, по всей вероятности, включало

²² Там же. Л. 27, 153.

²³ Там же. Л. 47–48.

²⁴ Из позднейших документов следует, что вес был 206 пудов.

²⁵ Там же. Л. 50–52, 55–56, 166–167об., 169–169об.

²⁶ О протопопе Андрее Постникове, пользовавшемся особым расположением царя, см. [Извеков 1902].

и покупку для храма колоколов. Соответственно, царь и его дети, выступая главными ктиторами храма, могли принимать решения, касавшиеся его имущества, по своему усмотрению. Именно поэтому, когда понадобилось срочно выдать новый колокол для Лазаря Барановича, подходящий был подыскан и снят с одной из церквей, находящихся под опекой царского дома, с обещанием, впрочем, заменить его на аналогичный. Думается, что ведущую роль в принятии решения об отдаче на Украину колокола из церкви на Полянке сыграла царевна Софья и ее фаворит князь В.В. Голицын, которым расчетливый и хорошо разбирающийся в хитросплетениях московской политики владыка Лазарь отправил отдельные послания.

5 февраля последовало распоряжение отпустить из Москвы слуг Лазаря Барановича, прибывших в столицу с дьяконом Антонием, с выданным им «белым железом» (24 бочки по четыре пуда в каждой; всего 96 пудов²⁷). Подводы для него было указано выдать из Ямского приказа «от Москвы до Севска и до малороссийских городов, и до Чернигова»²⁸. Антоний подал в приказ челобитную о выдаче слугам архиепископа подорожного корма, которая также была удовлетворена. Получив пропитание, они двинулись из столицы в Чернигов с драгоценным грузом вскоре после 8 февраля²⁹.

Сам дьякон остался в Москве для организации доставки полученного колокола. Жилось ему в столице весьма неплохо. Помимо обычного подневного корма (дьякон Антоний сумел добиться его увеличения)³⁰ представители Барановича получали в Москве и дополнительное единоразовое жалованье в связи со специальными случаями. 12 января в честь именин «благочестивые государыни царевны и великие княжны Татьяны Михайловны» им указали выдать корм и питье сверх нормы («четвертную ск[ляницу] вина двойного, ведро простого, че[твертную] скляницу вина церковного», три ведра пива, рыбы на 1 руб. и др.)³¹. 23 февраля дьякон Антоний получил особое царское жалованье — «для службы Божией на дьяконской стихарь объяри золотной девять аршин» из Посольского приказа³². В начале марта Антоний подал челобитную о своем желании «помолитися преподобному отцу Сергию Чюдотворцу в Троицком монастыре». Он просил выдать ему проезжую грамоту из Москвы до монастыря и подводы. Указ о выдаче подводы «с санми и с проводником» для дьякона, его челядника, а также одного из слуг архиепископа (прибыл в Москву позже, 27 января³³), состоялся 9 марта, память в Ямской приказ окольничему И.Ф. Бугурлину послана в тот же день³⁴. 7 апреля в честь «праздника светлого Христова воскресения» Антонию и остальным черниговцам по распоряжению В.В. Голицына было выдано царское жалованье (три ведра меда, пять ведер пива, полведра вина, «осетрик», 10 гривенок коровьего масла, 100 яиц, пять гривенок черной икры, ведро молока, сыр, ведро уксуса)³⁵.

²⁷ Если принять, что их стоимость была ниже «дорогой» цены в 17–18 руб., допустим 15 руб. за бочку, общая цена отгруженного в Чернигов листового железа составляла 360 рублей. Здесь также условно принимается во внимание, что и в 1683 г., и в 1672 г. вес бочки был одинаков — четыре пуда.

²⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 53, 167об.—168.

²⁹ Там же. Л. 54—54об., 168—168об.

³⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 32—36, 155об.—157об.; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 21.

³¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 153об.—155об.

³² Там же. Л. 57, 170.

³³ Там же. Л. 61, 172.

³⁴ Там же. Л. 58—60, 170об.—171об.

³⁵ Там же. Л. 61—64об., 172—173об.

Доставка двухсотпудового колокола в Чернигов оказалась для дьякона Антония хлопотным делом. В начале апреля он подал в приказ очередную челобитную. В ней сообщалось, что «хотя скорее... возвратится» с колоколом в Чернигов, Антоний «изискал на Гостинном дворе такова человека извозщика, который готов есть подрядитца везть тот колокол на своих лошадех и своим всем промыслом до Новгородка Северского, а оттуду мы сами спустили бы его рекою в Чернигов». За свои труды «извощик» запросил «с пуда по семи гривен», однако Антоний готов был платить лишь две гривны, потому что, как объяснялось в его челобитной, «у меня здес некаких денег нет и укладщика в нас до новой обители не одинаго нет же, а что и ест у меня, богомолца вашего, на дело нужные и благопотребные церковные вещицы данные денжонки, и тех на тот подряд зело мало, а взять мне, богомолцу вашему, негде». Антоний просил русские власти выделить средства, чтобы вместо «ямских подвод подрядить того извозчика звезть колокол до Новгородка Северского», чтоб ему «з тем колоколом в дорозе не бедствовать»³⁶. В Малороссийском приказе в ответ на челобитную снеслись с Ямским приказом, чтобы выяснить «по сколку пуд от Москвы до Севска и до Малороссийских городов на подводу железа или меди кладетца». Выяснилось, что «кладетца на подводу зимним путем» по 20 пудов, летом — по 15 пудов. Соответственно, по расчетам приказных для транспортировки колокола необходимо было 12–13 подвод (не очень ясно, правда, как на них должен был быть размещен груз) с выплатой прогонов до Новгорода-Северского в сумме 10 руб. 4 алтына 4 деньги (по 26 алтын на подводу). Перевозка же по найденному дьяконом Антонием подряду стоила даже из расчета две гривны за пуд в четыре раза дороже — 40 руб., а при семи гривнах за пуд — и вовсе астрономическую сумму в 140 руб. 7 апреля, ознакомившись с этими расчетами, В.В. Голицын, распорядился транспортировать колокол на ямских подводах³⁷.

Однако к этому времени наступила весенняя распутица. Поэтому решено было отправить колокол водным путем. 26 апреля в Малороссийском приказе допросили подрядчика, купца Гостиной сотни из Севска Агафона Медведева, который обязался отправить колокол «на стругу водяным путем» из Москвы в расположенный на реке Оке Орел. За это он хотел не менее 10 руб., поскольку «колокол большой и проводить ево надобно в целости», при этом он требовал «государевых людей», чтобы погрузить колокол на струг в Москве и выгрузить в Орле на берег. Сделка была заключена, деньги (10 руб.) уплачены в тот же день³⁸. Проезжая грамота А. Медведеву на провоз колокола с языком весом 206 пудов от Москвы до Орла была выдана с датой 1 мая. Воеводам городов, через которые должно было проплывать судно с ценным грузом, следовало пропускать его «безо всякого задержания и зацепки», а воеводе Орла Луке Васильевичу Изъединову «тот колокол у него, Агафона, велети с струга принять», выгрузив его силами орловских пушкарей, затинщиков и иных посадских людей. Труд их, также как и снасти для выгрузки, предписывалось оплатить за счет средств государственной казны. Выгрузив колокол, Изъединову следовало дожидаться прибытия в Орел дьякона Антония (должен был прибыть туда посуху, на ямских подводах), после чего «проводить» его до «малороссийских городов со всяким помогателством, чтоб ему (дьякону. — К.К.) нигде никакова задержанья и зацепки не было». От Орла до Черниговщины

³⁶ Там же. Л. 66.

³⁷ Там же. Л. 65, 67–68. Подробную роспись прогонов см.: Там же. Л. 71.

³⁸ Там же. Л. 69–70об.

груз следовало транспортировать на ямских подводах, о чем в Ямской приказ была послана память 3 мая³⁹. Все эти предписания (передать полученный «водяным путем» колокол дьякону Антонию и организовать транспортировку до Севска) были продублированы и в царской грамоте самому орловскому воеводе⁴⁰. Севский воевода Л.Р. Неплюев должен был встретить ценный груз и обеспечить его перевозку до малороссийских городов⁴¹. Сам колокол был отпущен из столицы 2 мая⁴². Вслед за царским подарком для Лазаря Барановича выехал из Москвы и дьякон Антоний. Указ о выдаче ему 10 руб. царского жалованья «на отпуске» и корма в дорогу на неделю (с 10 мая) датирован 7 мая⁴³, царская проезжая грамота — тем же числом⁴⁴. В тот же день в приказе была записана его челобитная о выдаче подвод под купленные им для монастыря «нужные вещи: меды (меди. — К.К.) в досках пудов десять, гвоздей луженых на покрытье глав церковных пятьдесят тысячей, олова агнелского (английского. — К.К.) пудов два, ладану пудов два, железа прутowego на станок под колокол пудов десять, а иных рухлядишков покупленных и домашних всех будет на двадцать пуд». В Малороссийском приказе распорядились прибавить к обозу дьякона Антония четыре ямские подводы⁴⁵.

Грамоты от царей Ивана и Петра и отдельно от Софьи, адресованные Лазарю Барановичу, датированы 6 мая. В них отмечалось полное удовлетворение всех просьб черниговского архиепископа и исполнении обещаний царя Федора, о поминовании которого архиепископу следовало «чинить (т.е., видимо, организовывать регулярные поминальные службы. — К.К.) по преданию святых апостол и святых отец». Характерно, что при перечислении царского жалованья в грамоте отмечалось, что требуемый владыкой Лазарем колокол «в двесте пуд» был именно «вылит» по царскому приказу (это, как показано выше, было совершенно не так)⁴⁶. Отдельно на поминование покойного царя Федора Лазарю Барановичу было послано царского жалованья 50 «золотых червонных из Приказу княжества Смоленского» (указ от 10 мая)⁴⁷. В грамоте, направленной архиепископу от В.В. Голицына (от 10 мая), отмечалось, что указ о царском жалованье архиепископу состоялся именно по «доношению» руководителя посольских дел⁴⁸.

Дьякон Антоний и его спутники прибыли в Орел 18 мая, опередив струг с колоколом, который «по 19 число не бывал». Сообщая об этом, орловский воевода Лука Изъединов одновременно сетовал, что у него необходимых для транспортировки колокола «конатов и волаков, и иных никаких снастей нет, а торговые всяких чинов люди соленые и хлебные промышленники (их силами в том числе предполагалось осуществить перевозку. — К.К.) с Орла поплыли в стругах к Москве, а двory их купецкие и онбары все погорели». Кроме того,

³⁹ Там же. Л. 73–75.

⁴⁰ Там же. Л. 89–92, 126об.

⁴¹ Там же. Л. 95–96.

⁴² Там же. Л. 75об.

⁴³ Там же. Л. 85. Тогда же было указано выдать слуге Барановича на отпуске «сукно аглинское», а челяднику Антония — «сукно». См.: Там же. Л. 86. См. также: Там же. Л. 124–125.

⁴⁴ Там же. Л. 92–94.

⁴⁵ Там же. Л. 87–88об. Память в Ямской приказ датирована тем же числом. См. также «перевод» челобитной Антония и копию памяти: Там же. Л. 125–126.

⁴⁶ Там же. Л. 77–84, 121–124.

⁴⁷ Там же. Л. 97. Золотые посылались в том числе и потому, что аналогичное жалованье, отправленное в декабре 1682 г. с дьяконом кремлевской Воскресенской церкви («Воскресенского собору, что у великих государей на сенех») Иаковом, по каким-то причинам не было отвезено в Чернигов.

⁴⁸ Там же. Л. 98–100.

воевода заявлял о трудности пути, требовавшего значительного количества людей: «от Орла мимо города Кром до Севска того колокола весть нечим, потому что от Орла до Севска реки и переправы и ржавцы многие, а таких конатов взять негда и малолюдством тот колокол весть невозможно». Наконец, Изъединов выражал недовольство и тем, что орловским посадским и служилым людям велено везти колокол до Севска, а не до Кром, как обычно: «а наперед сего вашу великих государей всякую казну с Орла важивали Орловского уезду всяких чинов, а проваживали грацкие люди стрелцы и драгуны да Кром, а не до Севска»⁴⁹. В Москве жалобы Изъединова вызвали очевидное недовольство. В.В. Голицын, которому отписка была доложена 28 мая, распорядился (решение записано на обороте дьяком Е.И. Украинцевым) послать в Орел новую грамоту с требованием беспрекословного исполнения ранее данных распоряжений, отпустив архиепископский колокол «в Севск тотчас без всякого мотчанья, не дожидаясь о том к себе иного нашего великих государей указу, а канатов и иных снастей, что надобно к тому колоколу велеть взять из Кром, а буде посадскими и служилыми людьми того колокола поднять не мочно, и ты б велел и уездными людьми помочь учинить, применяясь к прежнем таким отпуском, чтоб однолично не за чем тому колоколу мотчанья в отпуске не учинить и отпустить тебе тот колокол с Орла без всякого задержания не описываясь к нам, великим государем ни о чем». «А буде вскоре не отпустишь, — грозила Изъединову царская грамота от 29 мая, — и тебе по нашему великих государей указу тот колокол велят поставить в Севску самому на своих подводах»⁵⁰. К воеводе Кром князю Ивану Тимофеевичу Волконскому на следующий день направили грамоту с распоряжением выдать Изъединову необходимые снасти для транспортировки колокола, если от него последует соответствующий запрос. После прибытия груза в Кромы Волконский должен был незамедлительно выдать под него новые подводы⁵¹. 7 июня колокол был доставлен в Орел, и Изъединов после полученного нагоняя отправил его в Кромы сухим путем, «сделов станок на медветках», на орловских подводах 13 июня. Транспортировка осуществлялась силами орловских отставных дворян и детей боярских городской службы и «грацкими всяких чинов людьми». 16 июня Изъединов получил отписку Волконского, что колокол доставлен туда «в целости», принят «у орловских проводников» и «отпушон на кромских подводах» с местными провожатыми⁵². К 24 июня дьякон Антоний с ценным грузом благополучно добрался до Севска, откуда был отпущен воеводой Л.Р. Неплюевым с подводами и провожатыми в Новгород-Северский⁵³.

Получение царской милостыни на астрономическую сумму и в желаемом объеме должно было убедить Лазаря Барановича в особом расположении к нему царского двора. Это давало черниговскому архиепископу надежду на сохранение подобного же уровня отношений и материальной поддержки, а возможно, и более широких политических преференций с учетом начавшихся переговоров гетмана и русского правительства о выборе Киевского митрополита. Не желая упускать время царского фавора, уже спустя год Лазарь Баранович вновь направил Антония Прокоповича (произведенного теперь в архидьяконы) в Москву с новым набором просьб и пакетом грамот царям и Софье

⁴⁹ Там же. Л. 101–102.

⁵⁰ Там же. Л. 101 об., 104–105 об.

⁵¹ Там же. Л. 107–108.

⁵² Там же. Л. 109–110.

⁵³ Там же. Л. 111–112.

от 27 декабря 1683 г. (поданы в приказ 28 января 1684 г.). В этих посланиях он, поздравляя царственных особ и Голицына с Рождеством, благодарил за доставленный колокол и листовое железо. В частности, в письме Софье владыка Лазарь отмечал: «Мудрость zde человека домовита в вашем пресветлом величестве, яко не точию преславном своем государстве российском, пречестные и чудотворные обители в славу Богу и Богородицы созидаете, устроите и укрошаете, но и zde, в Малой России между иными святыми обителями новостроящемуся вышеписанному Святыя Троицы монастырю тая ж де являете благодееине, обычай бо добре управляющим дома своя, не точию близ сущих, но и далных своих сих домочатцов не презираете». Благодаря Софью, что она защищает «новосозидающуюся ту обитель премилостивейшим своим государским жалованьем от всяких скудостей и недостатков», архиепископ, причислявший себя к «дальним домочадцам» царского дома, просил царевну поддерживать его просьбы «в малых неких нуждах», о которых подробнее должен был донести дьякон Антоний.

И царям, и царевне Лазарь посылал экземпляры недавно изданных им книг: «книжицу малую под именем “Благодать и истинна”», написанную «в славу их великих государей» и другую — «О чудесех иконы Пресвятыя Богородицы Ильинской черниговской» (и дополнительно царям: «доску медную к той же книжице зделанную»; царевне: 12 книг «О Пресвятей Богородице» на польском языке, одна из которых содержала дарственную надпись «особо, — как писал архиепископ, — вашему пресветлому величеству от смирения моего приписаную»)⁵⁴.

О том, что за «нужды» заставили Лазаря Барановича вновь прислать в Москву Антония Прокоповича, более конкретно сообщалось в письме В.В. Голицыну. «Известно же благородию твоему творю, — писал архиепископ, — яко к иным моим печалем, которыми Господь Бог в старости моей посещает мене, не малую приобретох печаль, егда колокол, от их царского пресветлого величества за многомошным благородия твоего предстательством присланный, вскоре распадеся, Богу сведущу, какими случаи». Лазарь Баранович подчеркивал, что возвратившийся в Чернигов в начале лета 1683 г. Антоний Прокопович «зело хвалился» оказанной ему Голицыным «величайшею» милостью и в связи с этим просил главу русского правительства вновь похлопотать об

⁵⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 1–11, 129–135об. Материалы второй поездки Антония Прокофьева в составе дела также представлены в столбцах (Там же. Л. 1–127) и частично в тетрадях, куда были переписаны столбцы (Там же. Л. 128–151об.). Один из фрагментов тетради сохранился как отдельное дело (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 1–6). Материалы дела № 4 за 1684 г. частично опубликованы [Sakal 2017]. В публикации в заголовках документов № 1 и 2 указаны ошибочные даты; автор не приняла во внимание сохранившиеся тетрадные списки писем (см. выше), в связи с чем письмо архиепископа к царям напечатано не полностью (фактически лишь окончание). Об отправке книг первым, по-видимому, упомянул Н.Ф. Сумцов [Сумцов 1885, 141], вслед за ним И.А. Шляпкин [Шляпкин 1891, 127]; отдельно об этом также написал К.В. Харлампович, уточнивший, что книги предназначались всем членам царского дома [Харлампович 1914, 452]. В целом это факт в научной литературе известный. Точную роспись 40 книг, присланных архиепископом, см.: РГАДА. Ф. 124. 1684 г. Д. 4. Л. 55–56, 136–137. Помимо четырех книг для Ивана и Петра, Софья получила 14 книг (см. выше), остальные представительницы царского дома, в том числе царица Прасковья Федоровна, супруга царя Ивана IV, мать Петра I Наталья Кирилловна, вдова царя Федора Марфа Матвеевна получили по экземпляру «Благодати и истины» и повествований о чудесах иконы. Еще 16 книг предназначалось неназванным по имени «благородным государыням царевнам и великим князям» (8 шт. «Благодати и истины» и столько же экземпляров повествований о чудесах иконы).

удовлетворении нужд архиепископа и особенно – чтобы «мастера прислать сюды велели для перебивки того государева колокола и меди б на угар пожаловали»⁵⁵.

12 февраля в Пушкарский приказ была отправлена память об исполнении просьбы черниговского владыки. «На угар х колоколу» следовало послать 30 пудов меди, а также «дву человек колоколных мастеров добрых, которым бы то дело было за обычей»⁵⁶. В ответной памяти из Пушкарского приказа 18 февраля сообщалось, что медь для отправки в Чернигов готова, а для поездки туда назначен колокольный мастер Яков Леонтьев⁵⁷. На следующий день была отправлена память в Ямской приказ с указом выдать подводы под 30 пудов меди для отправки к Лазарю Барановичу⁵⁸.

Основная часть миссии дьякона Антония была, таким образом, завершена, в связи с чем его решено было отпустить из Москвы с посланиями к черниговскому архиепископу. В грамоте царей Ивана и Петра от 21 февраля Лазаря Барановича благодарили за присылку книг и уведомили об отправке колокольной меди и литейщика для починки колокола (подчеркивалось, что это решение принято «по доношению» В. В. Голицына). Здесь фигурировало другое имя литейщика, нежели в памяти из Пушкарского приказа. Для переделки колокола весом в 206 пудов из церкви Григория Неокесарийского после праздника Пасхи в Чернигов должен был отправиться Федор Моторин, «которой тот колокол лил»⁵⁹. Царевна Софья благодарила архиепископа за присланные книги отдельной грамотой, аналогичной по содержанию⁶⁰, схожее послание направил в Чернигов и Голицын⁶¹.

Около 24 февраля архидьякон Антоний покинул Москву с царскими грамотами и жалованьем (этим днем датирован указ о выдаче архидьякону и его спутникам поденного корма на неделю с прекращением его выдачи впредь)⁶². Для завершения «колокольного дела» в столице остался один из посланцев владыки Лазаря – черный поп Иосиф, который подал челобитную о назначении ему отдельного содержания. Оно было установлено с 27 февраля⁶³.

Пасха наступила в 1684 г. достаточно рано, 30 марта⁶⁴, однако сборы в дорогу колокольных мастеров начались лишь в конце мая. При этом в первоначальные

⁵⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 12–15.

⁵⁶ Там же. Л. 36, 143–143об.

⁵⁷ Там же. Л. 37–38.

⁵⁸ Там же. Л. 39. 20 февраля последовало распоряжение и о выдаче подвод для архидьякона Антония (пять штук «с санми и з проводники»). См.: Там же. Л. 40.

⁵⁹ Там же. Л. 47–50. В грамоте перечислялось посланное архиепископу царское жалованье: «два меха лисьих черевых, три испода черевых песцовых, пять исподов песцовых хрептовых, да сукна лундышу черного доброго два портища». Отдельно владыке Лазарю посылались книги «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого. Жалованье мехами (всего на 70 руб.) и тканями посылались именно за присланные книги. Экземпляр «Вечери душевной» Лазарь Баранович был пожалован по его челобитью. См.: Там же. Л. 55–70, 144–144об., 145об.–147об.

⁶⁰ Там же. Л. 51–54.

⁶¹ Там же. Л. 71–74, 148–149об. Между прочим, князь благодарил архиепископа за присланные к нему ранее через стольника Якова Ивановича Дивова образы «Вседержителей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и матери его, Пресвятые Владычицы наши Богородицы и Приснодевы Марии», а также вручение «нескольких книг» через посредство архидьякона Антония.

⁶² Там же. Л. 75.

⁶³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 76–80, 150–151об.; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 1–4об. Антоний оставил Иосифа «для колоколного мастера с архиепископским слугою и с лошедью».

⁶⁴ См. документы о выдаче священнику Иосифу и его службе жалованья в честь Пасхи в соответствии с нормами предыдущего года: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 81–84; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 4об.–6.

планы их отправки, изложенные в том числе в царских февральских грамотах Лазарю Барановичу, были внесены определенные коррективы. 22 мая из Пушкарского приказа в Малороссийский были присланы «для посылки в Чернигов» колокольный мастер Яков Иванов в сопровождении «колокольных учеников» Лаврушки Ильина, Филатки Яковлева, Сеньки Вахромеева⁶⁵. 24 мая Яков Иванов подал в приказ «роспись на колокольной образец», содержащую перечень припасов, необходимых для переливки колокола. Приказные подготовили на основе ее доклад, разделив, со слов Иванова, все необходимые материалы на две статьи: те, которые надо было доставить из Москвы в Чернигов, и те, которые можно было добыть на месте, в хозяйстве Лазаря Барановича или при его помощи. Соответственно, был поставлен вопрос об изыскании припасов первой статьи путем их покупки или получения в Пушкарском приказе (или в других ведомствах). Решение по докладу записано не было⁶⁶. 2 июня в Малороссийском приказе была дана память в Пушкарский приказ об отправке в Чернигов с Яковом Ивановым двух пудов проволочного железа, 30 гривенок «укладу», пяти гривенок тазовой меди, 10 колодок луженых гвоздей, также следовало выдать «мешечик дутой малинкой»⁶⁷. 6 июня в Ямской приказ направили память о выдаче подвод для колокольного мастера, его учеников и отправляемого с ними груза до Чернигова⁶⁸. Тем же днем датирована память о выделении подвод для священника Иосифа (здесь он назван Феодосием)⁶⁹.

Нерешенным оставался вопрос с жалованьем Якову Иванову и «колокольным ученикам». Около 5 июня мастер и ученики подали челобитную с просьбой выдать им подъемные и кормовые деньги⁷⁰. На следующий день в Малороссийском приказе последовало распоряжение «отписать в Черниговской стол, великих государей жалованья почем давано колокольного дела мастером и учеником для посылок, подъемных и кормовых денег и иным мастеровым людям, которые посылаемы в Киев». Ожидаемо выяснилось, что «колокольным мастером и учеником в Киев посылок не бывало», однако в 188 (1679/80) и 189 (1680/81) годах туда посылались «гранатного дела мастера и ученики», а также «мостового дела мастер». Им выдавалось жалованья «против московских стрелцов по два рубли человеку в посылку»⁷¹. В составленной докладной выписке по челобитной Иванова «на пример», помимо указанных случаев, были выписаны прецеденты выдачи жалованья («в дорогу на корм по 2 рубли человеку») посылавшимся в Батури в 191 (1682/83) г. сокольнику Леонтию Коноплеву и «каменных дел подмастерью» Никите Короткову. 7 июня было записано распоряжение В.В. Голицына о выплате Иванову 2 руб., ученикам по 1,5 руб. каждому⁷². Деньги были выданы на следующий день⁷³.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 85. О поездке колокольного мастера Я. Иванова в 1684 г. в Чернигов кратко, буквально одной фразой: упомянул К.В. Харлампович, не раскрывая ни ее цель, ни иные связанные с ней обстоятельства [Харлампович 1914, 337]. Вслед за Харламповичем об этом написал В.Л. Модзалевский [Модзалевский 1921, 19].

⁶⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 86–89. Роспись по «велению» Я. Иванова писал тяглец Сретенской сотни Афонька Иванов. Публикацию доклада см. в приложении, документ № 2.

⁶⁷ Там же. Л. 90.

⁶⁸ Там же. Л. 91–92.

⁶⁹ Там же. Л. 93.

⁷⁰ Там же. Л. 100.

⁷¹ Там же. Л. 96.

⁷² Там же. Л. 101–102.

⁷³ Там же. Л. 103.

7 июня датирована царская грамота Лазарю Барановичу с уведомлением, что вместо обещанной отправки Федора Моторина к нему направляется Яков Иванов, «которой к такому делу, как и тот, вышеупомянутой мастер, навычен», трое «добрых» учеников и «припасы» для переливки колокола. Моторин не мог приехать, поскольку он, как сообщалось в грамоте, «ныне у наших царского величества колокольных и пушечных многих дел на Москве, а вскоре ему зделать тех дел не мочно»⁷⁴. О самой работе Якова Иванова в Чернигове и дальнейших контактах Лазаря Барановича с Москвой касательно материальной помощи для сооружения Свято-Троицкого Ильинского монастыря информации найти не удалось.

Между тем колокол, отлитый для Лазаря Барановича, но показавшийся дьякону Антонию недостаточно большим и потому оставленный в Москве, сохранился до наших дней. До революции 1917 г. он принадлежал храму Введения во храм Пресвятой Богородицы на Большой Лубянке (ныне на этом месте площадь Воровского) и был описан в его истории, составленной в конце XIX в. священником Николаем Антушевым. Автор терялся в догадках, откуда подобный памятник колокольного искусства мог взяться на колокольне [Антушев 1897, 161–162]⁷⁵.

После сноса Введенской церкви колокол в 1924 г. был передан в Покровский собор на Красной площади, где более 60 лет хранился во внутреннем дворе. В 1991 г. его подняли на колокольню собора, где он, будучи вторым по величине, выполнял функцию полиелейного в колокольном ансамбле. Ныне благодаря исследованию А. Ф. Бондаренко нам известно его подробное описание. Исследовательница отмечает богатый декор колокола, выполненный «с большим художественным вкусом». «Несомненно, что столь сложное и пышное убранство колокола, — пишет А. Ф. Бондаренко, — могло быть лишь плодом совместных усилий очень хорошего художника-орнаменталиста и литейщика высшего класса. Опираясь на сложившиеся традиции и тонко чувствуя особенности формы украшаемого изделия, они стремились к достижению необычайно пластического богатства рельефа». На колоколе присутствуют три надписи. Первые две содержат дату отливки — 7191 (1683) г. и имя мастера, который ее выполнил — Федор Моторин. Третья надпись позволяет безошибочно соотнести колокол с царским «колокольным» жалованьем Лазарю Барановичу: «Сей колокол изволили послать в епархию Черниговского архиепископа Лазаря Барановича Святые Троицы в монастырь во Ильинский черниговский по обещанию брата своего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца, его царского величества / И послан сей колокол с Москвы в лето от сотворения мира 7191, а от Рождества сына слова Божия 1683 месяца генваря в 20 день, весу 104 пуда 21 гривенка московского литья» [Бондаренко 2002, 55–58]⁷⁶. Как уже отмечалось, память в Пушкарский приказ об отливке колокола была послана 15 января, а уже 28 было принято решение о замене колокола на более тяжелый из церкви Григория Неокесарийского. Учитывая официальную дату отливки — 20 января, можно предположить, что

⁷⁴ Там же. Л. 97–99.

⁷⁵ Церковь была сооружена при великом князе Василии III, в 1514–1518 гг., после Смуты была приходской церковью во владениях князя Д. М. Пожарского, который до строительства Казанского собора на Красной площади хранил там знаменитую Казанскую икону [Антушев 1897, 23–60].

⁷⁶ Благодарю автора за уточнение надписи на колоколе Лазаря Барановича. Надпись, пусть и не полностью, приведена также в труде священника Николая Антушева. См.: [Антушев 1897, 161].

работы по подготовке к ней были начаты одним из лучших царских литейщиков немедленно после получения соответствующего распоряжения либо даже заранее. Это в очередной раз свидетельствует о высоком значении, которое придавалось в тот момент в Москве просьбе Лазаря Барановича и исключительной расположенности царского правительства к персоне Черниговского архиепископа. Для последнего, впрочем, вес колокола был важнее его художественных достоинств и помещенной на него информации о беспрецедентном царском жаловании. Благодаря этому колокол в 104 пуда – уникальный, по мнению А.Ф. Бондаренко, памятник русского колоколотейного искусства и «яркое произведение моторинской династии» остался в Москве навсегда [Бондаренко 2002, 62].

Сохранились данные и о судьбе двухсотпудового колокола из церкви св. Григория Неокесарийского, также созданного Федором Моториным, который был благополучно доставлен летом 1683 г. в Чернигов и отремонтирован спустя год Яковом Ивановым. В конце декабря 1696 г., заручившись рекомендательной грамотой от гетмана Ивана Мазепы, в русскую столицу двинулся игумен черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря Лаврентий Крщонович. Гетман рекомендовал его как «мужа благочестива разума и добродетелей полного», который «о своих монастырских требованиях к пресветлому вашему монаршескому хочет прибегати престолу, х которому всей подсолнечной всякие духовные чины имеют свое прибежище». Ильинский монастырь – это, по словам гетмана, «обитель [...] старинная и многочюдесную Пресвятой Девы Богородицы иконою славная». Соответственно, Мазепа просил «в его (Лаврентия Крщоновича. – К.К.) прошениях показати премилосердную свою монаршескую милость»⁷⁷.

Помимо письма Мазепы, Лаврентий Крщонович доставил в Москву две грамоты Киевского митрополита Варлаама Ясинского четырехлетней давности – царям Ивану и Петру Алексеевичам, а также патриарху Адриану. Выданы они были митрополитом во время посещения Ильинского монастыря летом 1692 г., когда, по его словам, «по должности моей посещах церкви малоросиские державы вашего царского пресветлого величества, ко архиепископии здешней Киевской митрополии належащая, осмотра ради всякаго благочиния церковнаго». Уже возвращаясь в Киев, митрополит «уклонихся мало и в епархию Черниговскую, ведая тамо чудотворную быти икону Пресвятыя Богородицы близ самого града Чернигова в монастыре Ильинском Свято-Троецком, дабых оной прислушающее сотворил поклонение». В Чернигове Варлаам Ясинский «пресвященному в душе святом отцу моему, господину отцу Лазарю Барановичю, архиепископу Черниговскому, честь должную от сына воздал». Поездка была связана с обещанием посетить Черниговскую епархию, которое митрополит дал владыке Лазарю ранее, возвращаясь с поставления из Москвы. В Ильинском монастыре митрополит обозрел построенную трудами черниговского архиепископа «церковь велику каменную во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы» и помолился чудотворной иконе Пресвятой Богородицы «за пресветлую державу [...] царского величества, их же благополучным царствованием и всещедротным промышлением церкви Божия на чудотворных святых местех созидаются». Построив обширный каменный храм, черниговский архиепископ решил «по образу Киево-Печерские святые обители от пещеры и тесноты ветхаго монастыря

⁷⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1–3. Перевод датирован 27 декабря 1697 г. (год указан с ошибкой, должен быть 1696-й).

преселенные и распространенные яко самую воспоминаемую чудотворную икону Пресвятыя Богородицы от малыя церкви Святого пророка Илии перенести в великую строителством и окладом его созданную церковь Святыя Троицы, тако и монастырь весь на пространнейшее то место переселити». Это требовало очередных крупных расходов на строительство монастырских зданий, и соответственно Киевский митрополит стремился поддержать Лазаря Барановича («церкви Христовой полезного и престолу вашего царского пресветлого величества от древних лет верна и радетеля сушаго») и игумена Ильинского монастыря Лаврентия Крщоновича, попросив Москву о материальной поддержке («прещедрыя милости») обители, которая «основана есть от святыя памяти предка вашего царского пресветлого величества сродственного благоверного великого князя Святослава Ярославича, внука святому равноапостолному великому князю Владимиру Самодержцу». «На сень бо крилу тривенечного орла вашего царского пресветлого величества Тройческий сей храм надеетца непостыдно», — завершал Варлаам Ясинский свое послание, написанное «во время присудствия» митрополита «в Чернигове в монастыре Свято-Троицком Ильинском»⁷⁸.

Указанные письма были поданы в приказ прибывшим в столицу игуменом Лаврентием 24 января 1697 г.⁷⁹ 27 января он собственноручно подал дьяку Е.И. Украинцеву челобитную, которая раскрывала тот характер материальной поддержки, на которую он рассчитывал, и подтверждающий расходы документ — подрядную запись на переливку колокола, заключенную с «человеком» Ивана Моторина (был сыном Федора Моторина, который умер в 1688 г. [Костина 2014, 146–147]) Семеном Федоровым от июля 1696 г.⁸⁰ Из этих документов следует, что пожалованный царями в 1683 г. и починенный Яковым Ивановым в 1684 г. колокол к 1696 г. «изволением Божиим розбился». Теперь уже игумен Ильинского монастыря Лаврентий Крщонович нанял нового мастера, Семена Федорова, «человека» Ивана Моторина, для новой переливки колокола, за которую обитель должна была заплатить из своих средств. 8 июля 1696 г. был заключен договор с Семеном Федоровым, по которому он обязался к октябрю того же года переделать колокол «добрым мастерством з голосом красным и класти на том колоколе травы и лица, и ево, великого государя, его царского пресветлого величества герб с написанием титлы его государской». Кроме того, Федоров должен был добавить в новое изделие «красной меди», чтобы увеличить его вес до 250 пудов. За переливку и за добавленный металл Лаврентий Крщонович обязался заплатить московскому литейщику 326 руб. Чтобы добыть такие средства, ему пришлось заложить в Киево-Печерском монастыре «золотую гривну з дорогим камением».

В своей челобитной Лаврентий Крщонович также объяснял, почему он решил воспользоваться митрополичьими рекомендациями, данными более четырех лет назад. Причиной этого было сначала отсутствие средств на поездку в Москву, затем кончина архиепископа Лазаря Барановича (1693 г.) и, наконец, смерть его наследника на черниговской кафедре Феодосия Углицкого

⁷⁸ Там же. Л. 4–12. Текст грамоты датирован 27 июля 1692 г. См. также аналогичную грамоту от киевского митрополита патриарху Адриану: Там же. Л. 29–32. В ней владыка Варлаам среди прочего отмечал, что «сей новосоздающейся обители и церкви примесилася бе некая противность, яко чрез лет шесть не баше о той церкви попечения, о чем тако попустившу, но паки ныне тщанием сего ж всечестнаго игумена Лаврентия и тому же иждивением благочестиваго гетмана Ивана Степановича Мазепы благоустроится и киот чудотворной иконе пресвятой Богородицы драгоценный соделоватся, иконы же благолепны ко церкви новосозданной готовятся» (Там же. Л. 31).

⁷⁹ Там же. Л. 1, 4.

⁸⁰ Там же. Л. 22.

(умер в феврале 1696 г.)⁸¹. Хотя, возможно, рекомендательные письма Киевского митрополита были придержаны Лаврентием специально в ожидании действительно значимых расходов, которые царская милостыня могла бы полностью или частично компенсировать при поддержке Варлаама Ясинского. Пожалованный в монастырь царский колокол был, таким образом, в 1692 г., скорее всего, еще цел и невредим. Его разрушение где-то в конце 1695 – начале 1696 г. заставило игумена Лаврентия пустить митрополичьи рекомендации в дело. Однако результата это не дало: если просьба Лаврентия Крщоновича о даровании Свято-Троицкому Ильинскому монастырю архимандрии была удовлетворена 23 февраля 1697 г.,⁸² то его челобитье о колоколе обошли молчанием (доклад был подготовлен, но решения по возмещению расходов на перевозку колокола нет), ограничившись выдачей жалованья за присланные книги и иные «святыни» (указ от 7 марта)⁸³. В марте 1699 г., заручившись рекомендательными письмами И.С. Мазепы⁸⁴ и черниговского архиепископа Иоанна Максимовича⁸⁵, архимандрит Лаврентий предпринял последнюю попытку добиться возмещения средств за колокол, направив в столицу наместника Варлаама с ценным подарком, каковым был «Образ Святыя Троицы, писаной на полотне в рамках золоченых» (подал грамоты в Малороссийский приказ 28 марта⁸⁶). В направленном с ним послании на царское имя Лаврентий Крщонович, словно подводя итог царским милостям в отношении обители за прошедшие годы, писал, что великий государь «яко не токмо хлеб милости своея и одеяние дал еси обители нашей, одеяв церковь Троицы Святой железом и украсив царским своим колоколом, но и венцем архимандричества, венцем славы и чести увенчал еси и положил еси на главе ея венец от камене честна, от камене превысокого имяни своего». Тут же архимандрит напоминал о своей просьбе двухлетней давности и просил самодержца заложенную в Киево-Печерской лавре золотую гривну «Пресвятыя Богородицы выкупити по своему царскому обещанию»⁸⁷. Однако составленный по этой просьбе доклад вновь остался без решения, завершившись лаконичной пометой: «по сей выписке указу не учинено»⁸⁸. Указ о выдаче возвращавшемуся в Чернигов наместнику Варлааму десяти подвод (в том числе под покупки и пожалованные в монастырь вино и ладан) датирован 8 апреля⁸⁹, грамота И.С. Мазепе об отпуске из столицы духовных лиц – 10 апреля. В последней сухо объявлялось, что царский указ в ответ на челобитье Лаврентия Крщоновича «учинен будет впредь»⁹⁰. Судя по всему,

⁸¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 26–28; РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1092. Л. 1. См. также приложение, док. № 3 и 4.

⁸² См. подробнее: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 43–52, 69–76. Этим днем датирован соответствующий царский указ. В архимандрию Лаврентий Крщонович был поставлен 28 февраля; царская жалованная грамота на архимандрию датирована 22 марта.

⁸³ Там же. Л. 56–68об. Лаврентий Крщонович доставил царям следующие дары: «образ Пресвятыя Богородицы, писан на медной цке в рамках золоченых»; «Образ Пресвятыя ж Богородицы, печатан на обьяри со Азовскою победою и с ыными приписми»; «другой такой же образ на александринской бумаге печатан»; пять книг «Руно орошенное», в том числе одна «оклеена обьярью золотною травчатую, науголники и застешки серебряные», а еще две – «обьярью серебряною зеленою». За книги и образы велено было выдать 100 руб. соболями.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699 г. Д. 15. Л. 1–3. Письмо от 9 марта 1699 г. из Батурина.

⁸⁵ Там же. Л. 4–7.

⁸⁶ Там же. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Л. 8–16, 20. Письмо от 10 марта 1699 г.

⁸⁸ Там же. Л. 17–19.

⁸⁹ Там же. Л. 25.

⁹⁰ Там же. Л. 27.

добиться трехсотрублевой компенсации за перелив колокола не удалось, несмотря на красовавшийся на нем царский герб.

«Колокольные посольства» Лазаря Барановича 1681–1684 гг. стали примером того, как архиепископ, пользуясь тем расположением, которое ему оказывали в Москве, попытался выйти за традиционные рамки, определявшие формы и размер царской милости и жалованья для украинских церквей и монастырей, и получить — именно в материальном измерении — значительно бóльшую поддержку. Это ему удалось, русское правительство пошло на значительные траты вопреки сложившимся прецедентам и тем самым фактически превратилось в одного из крупнейших ктиторов Черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря. Изготовление и доставка колокола обошлись царским властям в крупную сумму денег, при этом, например, листовое железо, как свидетельствовала докладная выписка января 1683 г., часто было в дефиците, стоило также немало, и значительная часть его ввозилась из-за границы через Архангельск. Пожалованные Лазарю Барановичу «белое железо», колокол и связанные с этим расходы составили, по приблизительным оценкам, более 1,5 тыс. руб. (ок. 1 тыс. руб. колокол⁹¹, ок. 300 руб. переливка в 1684 г.⁹², ок. 360 руб. жезл на купола⁹³) и вполне могут быть поставлены в один ряд с беспрецедентно высокой царской милостыней, выданной митрополиту Петру Могиле и малороссийским монастырям в 1644 г. Подобные расходы, осуществленные за счет дворцового ведомства, предположительно, под личным контролем царевны Софьи и князя В.В. Голицына, имели, безусловно, политическое значение. Как уже отмечалось, в указанное время между гетманом и русским правительством велись переговоры о выборе Киевского митрополита, и Москва, судя по всему, благосклонно относилась к возможности избрания на киевскую кафедру Лазаря Барановича, бывшего блюстителем митрополии [Флоря, Кочегаров, Чеснокова, Яфарова 2019, 57–69, 75–100], хотя патриарх Иоаким и порицал его за старческую немощь и проистекавшую из этого неспособность в полной мере исполнять пастьерские обязанности [Сумцов 1885, 161] (см. также [Там же, 76])⁹⁴. Против такого избрания, однако, выступил гетман Иван Самойлович, отношения которого с владыкой Лазарем складывались не лучшим образом (возможно, именно поэтому архиепископ не захотел иметь колокол весом в 104 пуда, на шесть пудов легче стодесятипудового гетманского). Гетман имел своего кандидата — беглого луцкого епископа князя Гедеона Святополк-Четвертинского. В итоге русское правительство заняло нейтральную позицию, чтобы не провоцировать углубление раскола в украинском обществе в преддверии митрополичьих выборов. Летом 1685 г. на митрополичий престол был избран князь Гедеон, а Лазарь Баранович, проигнорировавший выборы вместе с духовенством своей епархии (см. подробнее: [Флоря, Кочегаров, Чеснокова, Яфарова 2019, 75–100]), в свою очередь, мог затаить обиду на своих московских покровителей. Как отметил Н.Ф. Сумцов, после 1685 г. интенсивные ранее контакты черниговского архиепископа с Москвой практически замирают вплоть до свержения гетмана в 1687 г. [Сумцов 1885, 160]⁹⁵.

⁹¹ Цена подсчитана исходя из денег, которые должен был заплатить за колокол И. Самойлович в 1680 г. См. приложение, док. № 1.

⁹² Цена ориентировочная, основана на стоимости работ по переливке 1696 г. См. приложение, док. № 3 и 4.

⁹³ См. примечание 27.

⁹⁴ Воссоединение Киевской митрополии, 328.

⁹⁵ См. также: Письма преосвященного Лазаря Барановича, 225–228 (письмо Лазаря Барановича царевне Софье от сентября 1686 г. с ходатайством о прием в дар «книжицы», посланной в Москву Иоанником Галатовским).

Вместе с тем стремление черниговского архиепископа вслед за украинским гетманом заполучить на колокольную опекаемого им монастыря московский колокол свидетельствовали о заинтересованности украинского духовенства и светских властей Гетманщины в продукции московских литейщиков самой по себе. Так или иначе, процесс отливки столичными мастерами колоколов для малороссийских церковных центров получил дальнейшее развитие в заказах для киевских храмов⁹⁶. Возможно, дальнейшие исследования на основе архивных материалов этого и иных сюжетов дадут в руки исследователей и другие подобные примеры, изучение и систематизация которых позволит выйти на более широкие обобщения касательно культурной интеграции русского и украинского обществ во второй половине XVII – первой половине XVIII в.

В приложении публикуются документы, касающиеся изготовления и ремонта колоколов для черниговских монастырей. Публикация осуществлена по «Правилам издания исторических документов» (М., 1990), при этом в помете на документе № 3 и во всем документе № 4 сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое значение в русском и украинском языках того времени.

Приложение

№ 1.

1680 г. сентября 5. Рядная запись колокольного мастера Федора Дмитриева сына Моторина с войсковым канцеляристом В.Л. Кочубеем и учителем гетманских детей П. Ясильковским об изготовлении церковного колокола весом в 110 пудов.

(Л. 48) Список з записи слово в слово.

Аз, Рейтарского приказу государевых колоколных дел мастер Федор Дмитриев сын Моторин, подрядился я, Федор, на Москве гетмана Ивана Самойловича у посланника ево войскового канцеляриста у Василья Левонтьевича Кучюбея да его ж, гетмана, Ивана Смойловича детей учителя у Павла Ясильковского, что вылить мне, Федору, в своей меди во сто в десять пуд или малым чем болши или малым чем менши колокол на имя гетмана Ивана Самойловича в доброй колоколной и красной меди, и положить прутовое аглинское олово безо всякие хитрости добрым мастерством, чтоб у того колокола звон был крепкой и мочной, а уши зделать воляшны толсты для особой крепости, а край б у того колокола и полотно, и дно было б цело и толсто, и ровно, а лепить и гетманское имя положить мне словами против их росписи, какову они, Василей и Павел, дадут. А от дела того колокола и за медь рядил я, Федор, у них, Василья и у Павла, за всякой пуд по четыре рубли с полтиною и тех рядных денег взял я, Федор, у них, у Василья и у Павла, наперед по сей записи двести рублей. А достальные денги по розчету взять (л. 49) мне, Федору, как тот колокол зделаю и отдам. А вылить мне, Федору, тот колокол и совсем в оделке отдать им, Василью и Павлу, на Москве на срок на Филипово заговейно в нынешнем же во сто осмьдесят девятом году. А будет волею Божию тот колокол на тот срок не вылетца или не удасться и мне, Федору, тот колокол перелить за тою ж рядою на другой срок на Рождество Христово в нынешнем же во сто осмьдесят девятом году, а во всем против сей записи. Порукою по мне, Федоре, кодашевец Федор Яковлев сын Турченини⁹⁷. А будет я, Федор, за ево порукою того колокола на те сроки не вылью и им, Василью и Павлу, или кого

⁹⁶ Подробнее этот сюжет автор планирует рассмотреть в отдельном очерке.

⁹⁷ Ф.Я. Турченин – торговец из Кадашевской слободы, выступавший посредником в сделках Ф.Д. Моторина с частными лицами, а также поставлявший ему медь и олово [Костина 2014, С. 146].

с сею записью гетман пришет, не отдам, и в том каких убытков учиню и им, Василью и Павлу, или кого пришет⁹⁸, взять по сей записи на мне, подрядчике, и на мне, поруччике, кто из нас в лицах будет, те денги двести рублей и убытки, и протори, и волокиту по своей скаске. А на то послухи Аврам Кирилов, Евдоким Анофреев, Степан Карпов, Иван Богданов, а запис писал Ивановские площади подьячей Нестерко Чередин лета 7189 году сентября в пятый день.

(Л. 50) А назади той записи руки приложены.

К сей записи Федор Моторин, что я подредился колокол зделать и денег двести рублей взял, и руку приложил.

К сей записи вместо хозяина своего Федора Яковлева сына Турченина по ево веленью сиделец ево Юрка Марков руку приложил.

Послух Аврамка руку приложил.

Послух Евдокимко руку приложил.

Послух Стенка руку приложил.

Послух Ивашко руку приложил.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 48–49. На л. 49об. и 50об. подпись В.Л. Кочубея по скрепам листов *К сему списку Василий Кочубей руку приложил, а подлинную запис // к себе взял*. На л. 50об. приказная помета: *Приезд войскового канцеляриста Василья Кучюбея*.

№ 2

Докладная выписка с росписью припасов, необходимых для переливки колокола, пожалованного в черниговский Свято-Троицкий Ильинский монастырь.

(Л. 87) Доклад.

В нынешнем во 192-м году мая в 24 день в Приказе Малыя Росии подал Пушкарского приказу колокольного дела мастер Яков Иванов за рукою Посолского приказу площадного подьячего Ивашка Семенова роспись, что надобно на колокольное дело припасов. А в росписи написано:

Свицкого железа — 30 пуд; проволочного железа — 2 пуда; укладу — 30 гривенок; меди тазовой — 5 гривенок; гвоздей — 10 колодок луженых; 10 рогож цеиновок; дутой мешечик малинкой; гвоздей полутесовых — 200; тесовых — 100; да на колокольную медь олова по 2 гривенки на пуд, итого 10 пуд; да на прибыльную медь на 30 пуд, по 6 гривенок на пуд, итого 6 пуд; обо того⁹⁹ олова — 16 пуд.

(Л. 88) А ис которого приказу взять те припасы или в ряду купить, о том великие государи что укажут.

Да сверх того по той же росписи надобно припасов: 600 кирпичю не зженого; 20 000 кирпичю зженого; сусла — 50 ведр; воску — 30 гривенок; серы еловой — 10 гривенок; сала говяжья топленого — 2 пуда¹⁰⁰; ветчинного сала — полпуда; полоть ветчины; 2 кадушки по 20 ведр; 2 кадки¹⁰¹ липовых по 2 сажени в длину, а поперег в 3 чети; 2 ушата; 2 корыта; 2 решета; 2 сита; 4 ковша; 6 ночвы¹⁰²; 2 ступы; 20 лопат; 4 гривенки щетин; да коровьи шерсти пуд; золы¹⁰³ четверть; 100 веревок лышных; 100 сажен прививошных веревок; пенковых

⁹⁸ Слово написано два раза: в конце строки и в начале следующей.

⁹⁹ То есть всего.

¹⁰⁰ В росписи, поданной в приказ Я. Ивановым, значилось 1,5 пуда, см.: (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 86).

¹⁰¹ В росписи Я. Иванова «2 доски липовых» (Там же).

¹⁰² Неглубокое корытце, лоток.

¹⁰³ В росписи Я. Иванова «каленой золы» (Там же).

100 ж сажен¹⁰⁴; 4 веши железных; (л. 90) воровых веревок на привези векам — 100 сажен; 4 шайки; 2 ведра; 4 бревна длиною по 4 сажени, а в отрубе в 3 чети; 100 дерев 3-х саженных в отрубе 6 вершков; канат 100 сажен толщиною в 6 вершков¹⁰⁵.

А по сказке вышеписанного колоколного мастера Якушки Иванова тот кирпич и всякие деревянные и иные припасы, опричь верхней статьи железа и гвоздей, и олова, мочно сыскать в черкасских городех где укажет взять Черниговской архиепископ или его приказные люди.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 87–89. Подлинник

№ 3

Список с подрядной записи между литейщиком Семеном Федоровым и игуменом Лаврентием Крщоновичем на переливку колокола для Свято-Троицкого Ильинского монастыря.

(Л. 26) Список с подрядной записи слово в слово.

Нынешняго 204-го году июля в 8 день договорились мы: я, игумен Свято-Троицкого Ильинского монастыря черниговского Лаврентей Крщенович, с москвичем колоколного дела мастером Ивана Моторина с человеком ево Семеном Федоровым, колокол перелить, великого государя нашего, его царского пресветлого величества, пожалованный во обитель Свято-Троицкую Ильинскую черниговскую на вечное помяновение достойно блаженныя памяти во святом успении благоверного государя, царя и великого князя Феодора¹⁰⁶ Алексеевича, всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержца, а весу в том колоколе 200 пуд, а ныне тот колокол вылити в полтараста пуд¹⁰⁷. А по договору дать мне, игумену, от дела ему, Семену за всякой пуд по 20 алтын мелкими серебряными денгами, а вылити ему, Семену, тот колокол самым добрым мастерством (л. 27) з голосом красным и класти на том колоколе травы и лица, и ево, великого государя, его царского пресветлого величества герб с написанием титулы его государской, как я, игумен, ему, Семену, прикажу. И в тот колокол сверх того весу, что в колоколе, положити ему, Семену, лишку своей красной меди, а буде что сверх весу того колокола меди прикладной ево, Семеновой, пойдет в колокол, и мне, игумену, ту медь ему, Семену, заплатити за пуд по тому, по чему купят, а за дело платити потому ж. А буде тот колокол Божиим изволением до году розшибетца, и тот колокол мне, Семену, переливати за тот же подряд своими проторми и вылить ему, Семену тот колокол нынешнего году вышеписанного месяца октября в первых числах, а мне, игумену, колокол приняв, денгами ни мало его, Семена, не подержать, и по договору все сполна отдать. На том договор у нас стал.

У подлинной же записи написано (л. 28):

Лаврентей Крщенович, игумен монастыря Святой Троицы Ильинского черниговского.

¹⁰⁴ В росписи Я. Иванова значилось «прививошных веревок пенковых сто сажен» (Там же). Было ли раздвоение этой цифры в докладе сделанным Я. Ивановым позднее уточнением либо результатом ошибки переписчика, не ясно.

¹⁰⁵ В докладе пропущен «котел ведра в три», значившийся в росписи Я. Иванова (Там же).

¹⁰⁶ В рукописи Феодара.

¹⁰⁷ В челобитной (документ № 4) Лаврентий Крщенович отмечал, что вес колокола должен был быть 250 пудов. Эта цифра представляется более верной, учитывая, что С. Федоров должен был добавить в новый колокол свою медь.

Того ж времени по подряду дал я, игумен, Семену Федорову задатку 50 рублей серебряными денгами.

Иеромонах Никон, игумен Святой Троицы болницы печерской.

Против подрядной вышеписанной сей записи взял я, Сенка Федоров у отца игумена Лаврентия все сполна денги за работу и за медь прибавочную свою, всех денег триста дватцать шесть рублей дватцать шесть алтын четыре денги. В том я и руку приложил.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 26–28. Пометы малороссийской скорописью на скрепах листов: (л. 27об.) *К сему списку Троецкого Ильинского монастыря намтсник иеромонах Варлаам руку приложил;* (л. 28об.) *а подлинную подрядную запись к себѣ взял.*

№ 4

Челобитная игумена Свято-Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове Лаврентия Крщоновича о выкупе золотой гривны, заложенной для оплаты переливки монастырского колокола.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣвичу всея Великия и Малыя, и Бѣлыя России самодержцу бьют челом богомолцы твои города Чернѣгова Свято-Троецкого Ильинского монастыря игумен Лаврентий з братиею. В прошлом во 191-м году, пожалован в монастыр к нам, богомолцам твоим, колокол в двѣстѣ пудов и тот колокол изволением Божиим разбился. И мы, богомолцы твои, в прошлом же во 204-м году тот колокол, прибавя мѣди, перелили со изображением герба твоего государского и с нынѣшнем над Азовом благополучным побѣдоносием и с подписанием, что тот колокол в обител к нам, богомолцам твоим ваше великого государя жалованье. И отлили тот колокол в двѣстѣ пятьдесят пуд, скудости же ради убогого нашего монастыря, не имѣя мы, богомолцы твои за литье того колокола и за прибавенную мѣдь заплатить мастеру, взяли в Печерском монастыру в заим триста двадцет шесть рублей и положили в закладѣ в тѣх денгах от чудотворной иконы Пресвятыя Богородици золотую гривну з дорогим камением. Милосердый великий государ, цар и великий князь Петр Алексѣвич, всея Великия и Малыя, и Бѣлыя России самодержец, пожалуй нас, богомолцев своих, вели государ, ту вышепомянутую от чудотворнаго образа гривну выкупити.

Росписку мастерскую о том колоколѣ здѣ же подаю вашему царскому пресвѣтлomu величеству.

А грамота до вашего царского пресвѣтлого величества, писаная от преосвященного митрополита Киевского, удержана для того, что мы для убожества монастыря нашего не возмогли в то время скоро на Москву в такую далекую дорогу собраться и мы у него, архиерея, в то время и просили, докладаячи, когда зберемся на Москву, а он, преосвященный, в то время прилучися быти в нашем монастырѣ для молебного пѣния и поклонения чудотворному образу Пресвятыя Богородици, а потом скоро преставися преосвященный Лазарь Баранович¹⁰⁸, потом и другой вскорѣ преставися архиерей, преосвященный Феодосий Углицкий¹⁰⁹ и для того умедлѣли.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1092. Л. 1. Подлинник. Список, сделанный в Малороссийском приказе см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 23–25.

¹⁰⁸ Лазарь Баранович умер 3 сентября 1693 г.

¹⁰⁹ Феодосий Углицкий умер 5 февраля 1696 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. 1638–1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: В типографии П.А. Кулиша, 1861. 4 + 22 + 604 + 134 с.
Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. 912 с.
Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах / ред. колл. П.П. Гудзенко, А.К. Касименко, А.А. Новосельский, А.Л. Сидоров, Л.В. Черепнин, Ф.П. Шевченко. Т. 1. 1620–1647 годы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 588 с.
Письма преосвященного Лазаря Барановича. С примечаниями. Чернигов: В типографии Ильинского монастыря, 1865. 254 + VIII с.
Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22; 1683 г. Д. 3; 1684 г. Д. 4; 1684 г. Д. 15; 1697 г. Д. 1; 1699 г. Д. 15; Оп. 3. Д. 1092; Ф. 125. Оп. 2. Д. 141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антушев Н.* Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. М.: Университетская типография, 1897. 318 с.
Беляев М. Исторические сведения о московской, Замоскворецкого сорока, Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви, с ее причтом и приходом. М.: Типография Елизаветы Гербек, 1894. 237 + III с.
Бондаренко А.Ф. Колокола Покровского собора: прошлое и настоящее. М.: Государственный исторический музей, 2002. 112 с.
Бондаренко А.Ф. История колоколов России. XI–XVII вв. М.: Русская панорама, 2012. 464 с. +32 с. ил.
Добровольский П.М. Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание. Чернигов: Типография губернского земства, 1900. 2 + 150 с.
Извеков Н.Д. Духовник царя Алексея Михайловича – протопоп Андрей Савинович Посников // Христианское чтение. 1902. № 1. С. 126–139.
Костина И.Д. Литейщики Моторины и их родственники // Материалы и исследования. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». Вып. 25 / отв. ред. А.Л. Баталов. М., 2014. С. 145–162.
Модзалевский В. До історії українського ліярництва // Збірник секції мистецтв українського наукового товариства. Т. 1. Київ, 1921. [Отдельный оттиск]. 23 с.
Страдомский А. Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский. М.: б.и., 1852. 103 с.
Суцков Н.Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Вып. 1. Лазарь Баранович. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, 1885. 188 с.
Токмаков И. Краткий историко-археологический очерк церкви св. Григория Неокесарийского чудотворца, что на Полянке, в Москве. М.: Губернская типография, 1890. 16 с.
Флоря Б.Н., Кочегаров К.А., Чеснокова Н.П., Яфарова М.Р. Киевская митрополия, Московский патриархат и Константинопольский патриархат в 1676–1686 годах // Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 33–137.
Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914. XXIV + 878 + LXVI с.
Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб.: Типография и хромоли-тография А. Траншель, 1891. XIV + 102 + III с.
Sakal I. The Embassy of Lazar Baranovych to Moscow in 1684: Gifts, Requests, and Other Expenses // Київська Академія. 2017. Вип. 14. С. 152–179.

Рукопись поступила в редакцию 02.04.2023

Рукопись принята к печати 12.05.2023

REFERENCES

- Antushev N. *Letopis' Vvedenskoj tserkvi, chto na uglu Kuznetskogo mosta i Bol'shoj Lubianki v Moskve*, Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1897, 318 p. (In Russ.)
- Beliayev M. *Istoricheskije svedeniia o moskovskoi, Zamoskvoretskogo soroka, Grigorije-Neokesariiskoi pri Polianke tserkvi, s jeje prichtom i prikhodom*, Moscow, Tipografiia Jelizavety Gerbek Publ., 1894, 237 + III p. (In Russ.)
- Bondarenko A.F. *Kolokola Pokrovskogo sobora: proshloje i nastoiashcheje*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 2002, 112 p. (In Russ.)
- Bondarenko A.F. *Istoriia kolokolov Rossii. XI–XVII vv.*, Moscow, Russkaia panorama Publ., 2012, 464 p. (In Russ.)
- Dobrovol'skii P.M. *Chernigovskii Jeletskii Uspenskii pervoklassnyi monastyr'. Istoricheskije opisanije*, Chernigov, Tipografiia gubernskogo zemstva Publ., 1900, 2 + 150 p. (In Russ.)
- Floria B. N., Kochegarov K.A., Chesnokova N.P., Iafarova M. R. Kijevskaia mitropoliia, Moskovskii patriarkhat i Konstantinopol'skii patriarkhat v 1676–1686 godakh. *Vossojedinenje Kijevskoi mitropolii s Russkoi pravoslavnoi tserkov'iu. 1676–1686 gg. Issledovaniia i dokumenty*, ed. Ilarion (Alfeev), Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2019, pp. 33–137. (In Russ.)
- Izvekov N. D. Dukhovnik tsaria Alekseia Mikhailovicha – protopop Andrei Savinovich Posnikov. *Khristianskoje chtenije*, 1902, no. 1, pp. 126–139. (In Russ.)
- Kharlampovich K.V. *Malorossiiskoje vliianije na velikorusskuiu tserkovnuiu zhizn'*, vol. 1, Kazan', Izdaniye knizhnogo magazina M.A. Golubeva Publ., 1914, XXIV + 878 + LXVI p. (In Russ.)
- Kostina I. D. Liteishchiki Motoriny i ikh rodstvenniki. *Materialy i issledovaniia. Federal'noje gosudarstvennoje biudzhetnoje uchrezhdenije kul'tury «Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Krem'"»*, issue 25, ed. by A. L. Batalov, Moscow, 2014, pp. 145–162. (In Russ.)
- Modzalevs'kyi V. Do istorii ukrains'koho liiarnytstva. *Zbirnyk sektsii mystetstv ukrains'koho naukovohto tovarystva*, vol. 1, Kiiv, 1921, [imprint], 23 p. (In Ukr.)
- Sakal I. The Embassy of Lazar Baranovych to Moscow in 1684: Gifts, Requests, and Other Expenses. *Kyiv'ska Akademiia*, 2017, issue 14, pp. 152–179.
- Shliapkin I.A. Sv. Dimitrii Rostovskii i jeho vremena (1651–1709 g.). St. Petersburg, Tipografiia i khromolitografiia A. Transhel' Publ., 1891. XIV + 102 + III s. (In Russ.)
- Stradomskii A. *Lazar' Baranovich, arkhiepiskop Chernigovskii i Novgorod-Severskii*, Moscow, 1852, 103 p. (In Russ.)
- Sumtsov N.F. *K istorii iuzhnorusskoi literatury semnadsatogo stoletia*, vol. 1, Lazar' Baranovich, Khar'kov, Tipografiia M.F. Zil'berberga Publ., 1885, 188 p. (In Russ.)
- Tokmakov I. *Kratkii istoriko-arkheologicheskii ocherk tserkvi sv. Grigorii Neokesariiskogo chudotvortsia, chto na Polianke, v Moskve*, Moscow, Gubernskaia tipografiia Publ., 1890, 16 p. (In Russ.)

Received on 02.04.2023

Accepted on 12.05.2023

Информация об авторе:

Кочегаров Кирилл Александрович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9877-7381
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Information about the author:

Kirill A. Kochegarov
Ph D. (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9877-7381
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru